

Анатолій Стерликов

ЖИВАЯ ЖИЗНЬ ПО НАРОДНОМУ КАЛЕНДАРЮ

Лесная сюита-финал

МАЙ БЕЗ ЗАПАХОВ. ЕРЕМЕЙ ЗАПРЯГАЛЬНИК

Вот и Еремей наступил, и я снова в лесу. В прошлом году на берегу Ясень-озера я был на Егория, а нынче только к Еремею успел. А ведь когда-то в конце апреля приходил сюда. С каждым годом всё позже у меня начинается рыбалка.

Чурбаки ночной ноды жаром дышат, и даже брёвна отражателя, сложенного из всякого древесного хлама, жарко тлеют, того и гляди вспыхнут, на котелок с водой поглядываю: нельзя допустить, чтобы горел отражатель, пожар мне не нужен. Тепла достаточно, но что-то не спится. Соловей не даёт спать, на ближайшей мочажине надрывается. Что любопытно: на юге страны соловьи, можно сказать, домашние птицы, они в садах живут. А у меня на деревенском подворье соловья не услышишь, разве за околицей – в осиновых рощах Каменяг или на берегу Сеп-ручья в ольшаниках слышатся свирепые трели... Ну и в роще на погосте живут соловьи. А тут, на шучьем Ясень-озере, а также и у Солгоры, соловьиные трели не умолкают до конца июня, иногда и в июле они слышны.

Станный нынче май: соловьиные трели в заснеженном лесу. В минувшую ночь завьюжило по-зимнему, проснулся – ели в снегу. Потому и не хожу на ночлег в изобку, мало удовольствия брести по снегу. Ещё и зимние сугробы не истаяли, и это замечательно – в большом сугробе возле шалаша у меня свежие шуки лежат.

Лист развернула только черёмуха, и только в Ивках. Зацветёт, верно, в конце мая. Да что черёмуха! Одна лишь ольха распушила свои жёлтые цветочные серёжки. (Между тем, согласно справочникам, 9 мая – самый поздний срок развёртывания листа. Вот и верь после этого справочникам да определителям!) Про берёзу и осину нынче и говорить не приходится.

Слушаю соловьёв, и в душе весна. И пусть его, что мало тепла и солнца в эти майские дни. И трели меня радуют, и сугроб, засыпанный древесным опадом, хвоей, из которого торчат шучьи хвосты. А две недели назад, когда я завершал свой отопительный сезон, жизнь казалась беспросветной. И совсем не потому что сутками приходилось сидеть в котельной – зарабатывал деньги на бензин, чтобы

приехать в деревню. Настроение портили кучи мусора и грязи на Театральной площади, каких, верно, не было и в блокаду. Даже какие-то люди среди сугробов валялись, никто их не подбирал. На звонки полицейские дамы стереотипно отвечали: «Ваша информация принята...»

Провидение подарило мне ещё одну весну, пусть и неприютную, холодную, почти без запахов, но – весну! И надо радоваться этим весенним дням на берегу озера, наполненным шорохом волны и обломков ледяного крошева, плеском щук у берега или у жерличной жерди, воркотнёй лягушек, бормотанием тетеревов, чудесным отголосьем журавлиных криков. И не надо держать досаду на глупости и слабости людей, потерявших себя, уставших от непрекращающейся жестокой борьбы за кусок хлеба, за место под неласковым солнцем моей Родины...

Насыщайся лесными звуками, живи ритмами природы! Выдавливай из себя ожесточение, которое иногда переполняет душу в борьбе с тёмными силами, погубляющими наш народ – разделённый, пригнетённый силами враждебными; ожесточение, вызванное действиями врагов, агентами западной, потребительской цивилизации, пятой колонной, а иногда и словами и поступками просто неразумных людей.

...Минувшая ночь, пожалуй, была самой тёплой за эти дни, начиная с Егория. А между тем я озяб. Накануне не пожалел сил, чтобы заменить живцов на жерлицах, поэтому для устройства костра осталось мало времени. Чурбаки толстые, но грели плохо. Что-то разучился делать костёр из двух чурбаков, которые бы горели ровно и жарко. Нодья едва тлела, не выделяя достаточно тепла в жилое пространство приходилось вставать с хвойной подстилки, лёгкие тренировать, раздувать пламя. Вспоминал, как сладко спалось в метельную ночь в начале мая. (Проснулся – все ели вокруг снегом засыпало.) К счастью чурбаки разгорелись, и под утро я крепко заснул. Вставать, конечно, не хотелось, поэтому подбадривал себя словами: «Вернёшься в деревню, уж там выспишься на топчане у лежанки!»

Ну а сейчас в небе сияет острый серп молодика, и на воде блистает его ясное отражение. На озеро вытягивается дым костра. Словно в прибрежном бору скрыто древнее славянское обиталище. Урёмный лес шумит, а вода тихая.

Народный календарь напоминает, что об эту пору, на Еремея, и ленивая соха в поле выезжает. А я на озере прохлаждаюсь. Сохи у меня нет, и не пахано в этом году, а надо под картофель борозды окучиком нарезать. Но не могу же я вернуться в деревню с травянками, пусть их уже дюжина в сугробе; буду на озере сидеть, пока не поймаю хотя бы одну глубинную щуку.

Откуда-то приползла туча, начался дождь, небольшая такая тучка, а – дождь и как-то мглисто вокруг. Но под навесом шалаша я не знаю печали – на жарко тлеющих чурбаках чайник ласково поет, тепло, сухо, и одежда на мне сухая. И нет ни комара, ни оводов, ни страшного мокреца. Всё это, конечно, впереди, всё начнётся с Иванова дня, может, и раньше.

МАЙ БЕЗ ЗАПАХОВ. МАВРА – ЗЕЛЁНЫЕ ЩИ

Небо над бором светлеет, без четверти три, 16 мая, Мавра – Зелёные щи.

За окном плюс пять, волоковое окошко изобки сечёт холодный ветер с дождём, стекло шлифует и крупа ледяная. Аппетитные ароматы заполнили все углы жилища – в чугунке под крышкой упревает окупёвая мелочь (не чищенная, не

потрошённая, даже и с плавниками, но хорошо промытая, конечно); а в самой топке, из которой я выгреб жар, протвинь с крупными окунями. Все эти запахи упревающих в чугулке и поставленных на сушку окуней перебивает запах ухи – томится на горячих камнях, которыми обложен короб печурки. Чудесный запах свежей весенней рыбы! В избытке жилым повеяло, совсем не то было два дня назад, когда я вошёл в жилище – промозглая затхлая сырость, мышами разило. Поэтому, протопив избыток, ушёл на Ясень-озеро, где и ночевал у ногды.

Не уснуть сегодня, ни в одном глазу нет сна, наверное, надо похлебать ухи и отправляться на Ясень-озеро. Возможно, сегодня вернусь в деревню. Пора уж вернуться – схрон щуками забит, и ведёрко в ямке с водой, освежающейся родниками, доверху наполнено кусками пластанки – распластанной на куски, присоленной щуки. Пора, пора в деревню – зелёных щей из свежей крапивы и сняты похлебать. А то всё уха да уха. Щука, между прочим, быстро приедается; добавляю окуней, сдабриваю уху потрошками (печень, желудок), а ем без аппетита. Всякая рыба приедается, рыбаки это знают. Да что там: даже кульчитай из сазаньих голов (что-то вроде бешбармака по-семиреченски, на русский рыбацкий лад) приедался на Кумузек в низовьях Чу! Помню, как братья ковыряли сладчайшие сазаньи головы. Ещё бы не приесться – каждый день рыба, два раза в день рыба, пусть и по-всякому приготовлена. И даже отличных вяленых язей к концу рыбалки ели неохотно, только жирную вкусную тёшку (брюшко) выгрызали и снова вешали рыбацкую снедь на крюки под лопасиком. Доедали вяленую рыбу в телеге, возвращаясь на Карагильские разливы, на хутор. Езда степная, медленная, равнина кругом, только дальние барханы Муюнкумских песков на горизонте тянутся синей волнистой полосой. Сиди да грызи зяя или песню пой да быка Борьку для порядка понукай, хоть голосом понукай, хоть кнутом – всё равно шагу не прибавит. Да хоть хвост ему крути – шагу не прибавит. Изрядный воз мог тащить без признаков усталости, даже и по сыпучему песку, а вот невозможно было заставить его прибавить ход даже и на твёрдом такыре... Короче говоря, знает, как ему тащить воз, и дорогу на Карагильские разливы отлично знает.

Иногда на Кумузек гнали и дойную корову с телёнком (редко, но случалось), молочное питание вносило разнообразие. Утром парное молоко с тёплыми лепёшками, а к обеду вареники с творогом, если кульчитай из голов сазаньих надоел. Чудесное молоко, пусть и с привкусом семиреченской полыни! Правду сказать, сметаной и свежими сливками даже и детей не баловали, и то и другое поглощалось ненасытной маслобойкой. Только сколотину, пахтанье – творожную сыворотку, образующуюся после того, как собьётся масло, – можно было пить вволю. А хороша же сколотина в жару, не хуже домашнего кваса, и уж, конечно, и лучше, и полезнее того, что нынче продают нам под видом кваса; про пепси уж и разговора нет. Пишу эти строчки и вижу, как истаивает янтарный ком свежего масла среди горячих вареников в эмалированном тазике. Николай ворчит на жену: «Зачем всё сразу вывалила, как посмотришь на эту гору – исть не хочется». Но Марусе некогда возиться с мисками-тарелками на всю рыбацкую артель. Вареники – не уха, можно брать из артельного эмалированного тазика вилкой или ложкой. А руками нельзя – горячие.

Но всё это уж русский читатель нынешнего века, не представляющий вкус настоящего деревенского молока, пожалуй, и не поймёт. Разве можно верить тому, что указывают на упаковках с «молочными продуктами»? Даже и в селе Оште

молодое поколение уже не знает вкуса натурального молока, откуда?! – пять-шесть бурёнок на сельскую округу. А когда-то было три тысячи коров, ясное дело – с колхозным стадом три тысячи.

Эх, теперь бы кульчайтай! Да хотя бы вяленых язей. Или вареников из домашнего творога. Но чего нет, того нет, и никогда не будет. Всё в минувшем, плата за право жить в цивилизованном мире. Может, скоро и шук не станет, говорят, появились свежие тески и деляночные столбы в лесу к западу от Ясень-озера. По лесным дорогам потянутся сюда джипы с электроудочками и катерами, с ящиками «путиновки» или «еврейской водки».

...К вечеру распогодилось. Солнышко сияет как никогда по-весеннему. Противоположный берег Ясень-озера становится всё более живописным. Рыжевато-зелёные или фисташковых оттенков осинники чередуются с тёмно-зелёными елями. Весна завершается, грядёт пролетье, то есть перволетье, начало лета. Стало быть, впереди и глубинные шуки, и странствия по ягодным мхам и грибным березнякам.

ПРОЛЕТЬЕ. ИВАНОВ ДЕНЬ

С утренней труски вернулся в два пополудни. Две травянки и добрая шука на восемьдесят сантиметров длины. Обычно рыбаки прикидывают вес, а я вот измеряю длину своей добычи. Никогда не беру весы, ещё чего – лишние предметы пихать в рюкзак. Отчасти из рыбацкого суеверия не беру – взял безмен, а комедят (балуют) одни только травянки – шучки да шурята. Конфуз! Надо заметить, здешние шуки, в отличие от тех, которые водятся в соседних озёрах, – толстые, плотные, каждый сантиметр длины даёт значительную прибавку веса. Могу смело говорить Петровичу, что моя добыча на пять килограммов вытянет. Расковырив золу, нашёл тлеющий уголёк, завернул его в бересту, положил растопку. И это я делаю не ради экономии спичек. Понятно, если разводишь огонь без спичек каждый день, – и в трудную минуту не оплошаешь. Поставил на затлевшиеся чурбаки чайник, сдвинул хвойную подстилку к костру, прилёг поближе к теплу, к чадящим чурбакам – остаткам плота. Не поленился вытащить брёвна на берег в прошлом году, и труды не пошли прахом, чурбаки хранят тепло трудов моих, соль моего трудового пота.

И после обеда бодро гребу веслом. Откуда только силы взялись: после утренней «прогулки» по заводям навалилась было страшная усталость, даже уху не хотел варить, просто не было сил что-либо стряпать. Думал, напьюсь чаю с сухарями, и ладно. Но заставил себя сварить уху. И прежнего изнурения как не бывало, гребу в полную силу; а то положу весло, любуюсь берегами озера. Такое впечатление, будто плыву по большой сибирской реке: Ясень-озеро вытянутое, кривое, берега изрезаны, местами крутые, сплошь горой лес – берёзовые и осиновые рощи, еловые и сосновые боры.

Двадцать лет прихожу сюда, а не привыкнуть к первобытному виду Ясень-озера. В деревне читаю мемуары Фёдора Шаляпина, он восхищается талантом художника Поленова, обладавшего редким даром показать поэзию и величие библейской пустыни с Христом, отдыхающим на камне, приводившего в восторг любителя живописи уголкем пруда с жёлтой кувшинкой. Гений русский оперы подметил, что природа в картинах художника всегда одухотворена: «Над

его тихими озёрами веет дух божества...» Иногда и я ощущаю дух божества на Ясень-озере. И по этой причине тоже не указываю его точное местонахождение. Появятся на берегу озера джипы с катерами – божество покинет озеро.

ДНИ ЛЕТНЕГО СОЛНЦЕСТОЯНИЯ. ГРОЗА С ГРАДОМ

...Искупался, гляжу на мир сущий помолодевшими глазами. Начало первого пора лежбище готовить к ночи. Но вместо того чтобы стелиться-укладываться, принялся пластать ножом рыбу. Дни тёплые, надо непременно пластать свежих щук; пластать, солить, плотно укладывать рыбу уже в котелок, поскольку ведро доверху заполнено.

...Ночи становятся всё короче, собственно ночей и нет, сумерки светлые, после захода солнца лишь на какие-то три-четыре часа в бору становится сумрачно, а вот на озере всегда светло. Приближается солнцеворот: солнце, гласит народная мудрость, поворачивает на зиму, а лето – на жару идёт. Только во втором часу ночи расстелил рибушины поверх лапника на лежбище.

Вечер нынче прохладный, и это меня радует. Ну а денёк же – выдался! Туча за тучей, гроза за грозой, ливни сменялись один за другим. Озеро кипело от сыпавшегося града. Дно «душегубки» за какие-то две-три минуты покрылось толстым слоем льдистых шариков. Я собирал град горстями, наполнял им ведёрко с живцами. Вода сразу же стала ледяной, окуньки и плотицы перестали кружить, выстроились в ряды, заснули. Град и у комаров прыти поубавил, до сих пор не оклемались. Иной комарик зудит, вьётся у лица, а сесть не смеет. Не то было до грозы, даже у дымных чурбаков докучали комары и мошки. Да и оводы тоже. Намазывался репеллентом, но комары так злодействовали, что никакая мазь не помогала. Только костёр выручал, в который я подкладывал и смолевые сучья, и осинку, и сырую лесную подстилку. Глотал горький дым, можно сказать, наслаждался смолевым исчадием костра, в котором трещали еловые сучья, разбрасывая по сторонам огнеопасные искры. Потому-то и рад таким денькам, когда вода в озере освежается, насыщается кислородом, живцы в посудине отлично сохраняются, и всякому гнусу окорот.

Вчера случилась и неприятность: сук топлины, острый, как обрезок арматуры, днище лодки прободал. А эта лодочка – основа моей жизни на Ясень-озере, где нынче и плота нет. Всё равно, что драккар для древнего скандинава. Можно сколотить плот, но он в полной мере не заменит «душегубку», на которой я в считанные минуты пересекаю заводи озера. За час-полтора могу проверить все жерлицы, развешенные по озёрным заводям. Без «душегубки» мне тут нечего делать.

ДНИ ЛЕТНЕГО СОЛНЦЕСТОЯНИЯ. СЕРЕБРИСТЫЕ ЕЛИ

Жизнь на лесном озере делает человека практичным, иногда слишком практичным, вытравливает из души поэзию, замечаю, как тупеет, восприятие природы становится грубым, обыденным.

Прежде, бывало, любовался елями с подсеребрённой хвоей, выделявшимися среди тёмно-зелёных масс прибрежных лесов. Но теперь, глядя на «серебристую» ель, знаю, что это всего лишь засыхающее дерево, что жить ему три-четыре года, и оно рухнет в озеро. И тогда мне придётся держаться подальше от того места,

где упадёт ель, – и без того днище в латках. Ведь если сук торчит под водой в двадцати-тридцати метрах от берега, то его невозможно заметить. Не далее, как три дня назад напоролся на подводный сук...

В то же время знаю, что упавшая в воду ель будет и благом, поскольку хвойные лапы и сучья теплого дерева (ещё при этом тут же водяная растительность) – нет ничего лучшего для нереста плотвы и окуня. Сучья и лапник в дальнейшем станут убежищем для выклюнувшегося из икры малька. Стайки подросших окуньков (или плотвы) ещё долго будут тут обретаться – среди ветвей и хвойных лап, и они, конечно же, будут привлекать хищников – щук и крупных окуней, тут же, под стволом топляка, среди сучьёв, устраивающих засады, подстерегающих добычу.

Обследовав крутой берег выше этой ели, обнаружил множество мелких родничков, точащих влагу по всему моховому склону. Верный признак водяных жил. На что указывала и роскошная поросль папоротника, листья которого располагались пучками вокруг дернин, образуя что-то похожее на огромные малахитовые вазы. Даже постоял внутри «вазы». Наверное, в таких куцах и следует оставаться в Иванову ночь, чтобы увидеть или даже добыть цветок папоротника, зашить его под кожу, что позволит проникать в тайны человеческие, обнаруживать кладысхроны с драгоценностями. (Не верите? Читайте «Поэтические воззрения славян на природу» А. Афанасьева, раритет русской словесности, источник дивный!)

Где только ни странствовал, леса почти всего водосбора реки Ошты исходил, но таких папоротников не видел. Лесник Авдеев, у которого когда-то здесь был обход, говорил мне: «На той стороне озера страшная папороть. Да и всё твоё Ясень-озеро какое-то лешачье, дикое. Только бабьим летом, золотой осенью бывает ясно на берегу Ясень-озера...» К сожалению, у меня нет фотоснимков папороти. И ни одной приличной фотографии даже и с глубинной щукой в руках. Ну да ладно, мои хозяйшкы же довольны, радостью светятся, когда я выкладываю хвосты-головы больших щук. А вот читатель книги может и не поверить изображению, и будет, пожалуй, по-своему прав: с помощью компьютера нынче можно сотворить какое угодно чудо.

Этот склон с мокрыми мхами и великолепными папоротниками (только ближе к берегу, на солнечной прогалине, где сыро, – заросли рамжи, душистой, медоточивой таволожки) наводит меня на мысль, что и в глубине озёрной бьют донные ключи. И наверняка и жарким днём щуки будут подплывать к стволу огромного теплого дерева, здесь они найдут не только укрытие для своих засад, но также будут освежаться чистыми донными ключами и бодро охотиться даже в жаркий июльский полдень. Так мужик сам себе думает, но что там, в глубине, на самом деле происходит?

И как только ель упадёт в озеро, превратится в огромный топляк, навечно заякорившийся, вонзившийся сучьями в прибрежный вязкий грунт, пожалуй, я найду место, чтобы воткнуть здесь в дно длинную гибкую жердь и навесить на крепкий, упругий кончик её жерлицу. Жду день и час, когда эта прибрежная ель с бородами мха на сучьях, осеребрённая паутиной и сединой высохшего лапника, с шумом рухнет в озеро...

Словом, прежде я был праздным созерцателем, а теперь у меня выработался грубый практицизм, что помогает мне перемагаться в лесу. К примеру, стараюсь примечать стволы елей, повреждённых при падении соседних деревьев; на этих

стволах всегда есть натёки серы (еловой смолы), потребной для разведения огня в ненастье, для быстрого разгорания ночной ноды. А также – и для приготовления снадобья, пригодного для лечения трещин, ран и даже наружных язв, как утверждает Авдеев.

КАЛИНОВ ДЕНЬ. НЕУРОЧНЫЙ ТОК ГЛУХАРИНЫЙ

... Часы и мгновения, когда словно исчезают границы, разъединяющие тебя с природой!

Вчера вечером, тихо подплыв на «душегубке» к мыску с кустом калины, с единственным кустом на всём побережье Ясень-озера, я увидел, что ловецкая жердь дрожит (при этом шнур струной натянут в глубину, и лишь временами он ослабевал), а совсем близко, на расстоянии удилица, увидел ещё и великолепного петуха (глухаря) на толстой валежной ели. Рядом с ним сидела копылуха-глухарка; заметив меня, она сразу же с лопотом поднялась и скрылась в бору. Петух же не проявлял ни малейшего беспокойства.

Я протянул руку, ухватился за ловецкую жердь, глубоко всаженную в илистое дно. Но вместо того чтобы вытащить щуку, дёргавшую шнур (и нетрудно было догадаться, что не травянка), я крепко держался за жердь, не позволяя «душегубке» перемещаться в ту или иную сторону, наблюдал за петухом. А тот, словно желая доставить мне удовольствие, раскрыл великолепный иссиня-чёрный веер хвоста, похаживал (сказал бы Авдеев) по валежине туда-сюда с приопущенными крыльями, похожими на огромные раковины. И даже какое-то время смотрел прямо на меня, омертвевшего в «душегубке».

Вроде как токовал. Хотя и мне, питерскому обывателю, известно, что глухариный ток бывает ранней весной. Терзаемый инстинктом и привычками рыбака, я любовался петухом во всём его великолепии – заносчиво вздёрнутая голова, алые серёжки и гребень, не уступающие по яркости рдеющим в лучах заходящего солнца кистям созревающей калины. Правда, точенье, то есть глухариную песню, миллион лет или более того звучащую на нашей планете, я, честно скажу, не слышал. Ну а щука, что ж... Глубинных щук я поймал немало на своём веку, а вот такое чудо природы – глухаря! – да ещё так близко, удилицем можно дотянуться – вряд ли когда-либо увижу...

Впоследствии Авдеев объяснил мне, что у молодых тетеревов и глухарей бывает ложный ток. На вопрос, отчего глухарь не взлетел, он же меня хорошо видел, Авдеев объяснил: «Петух молодой, может, он и человека никогда не видел. И со стороны заводи глухарю нет никакой угрозы. Да ты же, говоришь, неподвижно сидел, значит, он тебя в твоей «душегубке» и за человека не посчитал, может, ты для него был неодушевлённым плавающим предметом, вроде топляка...»

А щуку вытащил, когда петух спокойно спустился по стволу на прибрежный мох и так же не спеша, величественно удалился в бор, исчез там, среди подлеска и кочек, поросших брусникой и черникой. Добыча оказалась и в самом деле приличной, глубинной щукой, я вынужден был брать её «за глаза». Подробно не буду об этом рассказывать, не хочу смущать цивилизованного читателя, воспитанного в духе соблюдения прав всякой земной твари... А то ещё привлекут к судебной ответственности по статье «Жестокое обращение с животными». Сейчас

всё может быть, – и собачьи права надо соблюдать, и подзатыльник нельзя дать наркоману, изрыгающему матерную брань, или пьяному недорослю, брызгающему из алкогольного рожка на одежду соседей в метро или в трамвае... Скажу коротко: применил приём, вследствие чего щука на несколько секунд потеряла способность к сопротивлению. Правда, здесь тоже не следует терять времени. Вялость и апатия вследствие шока и опьянения кислородом у больших глубинных щук проходят быстро. А силища такая, что удерживать добычу приходится не только руками, но и ногами, зажав эту озёрную акулу между коленями. Оттого-то так сидишь в «душегубке» в страшном напряжении и ждёшь, когда тебя ветром прижмёт к берегу.

Даже и сейчас, когда я пишу эти строчки (именно пишу – медленно вожу шариковым пером по бумаге, а не хлопаю по клавишам ноутбука, – правда, потом и до клавишей доходит), почти физически ощущаю, как щука, словно мощная пружина, раздвигает сомкнутые колени.

ПО ОЗЕРУ, АВГУСТОВСКОЙ НОЧЬЮ

Глухая тёмная ночь, небо с вечера сплошь тучами затянуло, очертания берегов не различить. Истинно разбойничья ночь, в небе светит одна-единственная звёздочка, в воде пульсирует её отражение. Стараюсь плыть по светлой воде, то есть там, где не лежит тень лесистого берега. Но зачем, спрашивается, плыть в глухую ночь? Но вот плыву, и не ради простого удовольствия. Жерличники не любят праздные прогулки на лодках или на плотках. Считается, что ставные снасти надо проверять хотя бы каждые четыре часа, в таком случае уменьшается вероятность схода добычи с крюка. Ну да много чего надо делать так, а делаешь иначе...

Целый день «лопатил» озёрные заводы, и вот – уже и ночь прихватил, позвоночник ноет, гузно одеревенело, онемело, а в кошеле ни одной щуки! В августе поймать щуку непросто. Однако же без добычи не возвращаюсь в деревню и в августе, причём иногда приличные экземпляры попадают на крюк, два дня назад измерил – сто пять сантиметров! А вес точно не могу сказать, безмена нет. торговлей и товарным обменом не занимаюсь, – всё же, думаю, на шесть-семь килограмм потянет.

Правлю на звезду над зубцами прибрежного леса, тёмным утёсом встающего над заводью, посматриваю на её отражение в воде, своего рода маячный створ, указывающий мне нужное направление. Мрак, не сразу поймёшь, куда плыть, вот и держу направление на звёздочку, а между тем посматриваю влево, в сторону жилого берега, где-то там, в бору, – тлеют чурбаки. Ага, блеснул огонёк, и уже хорошо вижу отблески огня на гладкой коре огромной прибрежной осины. Несмотря на тьму кромешную, стан мой теперь хорошо виден, поскольку я оставил чадающие головни, вернее сказать, стволы валежного леса. Шалаш, обтянутый плёнкой, закреплённой на жердях, – словно громадный ребристый маячный фонарь. Огонь тлеющих головней просвечивает кровельную плёнку, и свет костра, подобно маячному, расходится по всему прибрежному пространству. И так же, как маячный огонь, то вдруг ярко светит, то погасает почти совершенно.

Удивительно быстро летит время на берегу лесного озера! Не успеешь повернуться-оглядеться – час прошёл. Сел в «душегубку» в четыре пополудни.

думал за три часа управиться с вечерней проверкой снастей, обновлением живцов, а возвращаешься затемно. Именно по этой причине я не всегда к ночи возвращаюсь в изобку у Солгоры, остаюсь ночевать на берегу Ясень-озера.

Припозднишься – и заночуешь. К тому же и тропа трущобная, местами мокрые корбы, мочажины, и днём по такой тропе не разгонишься, а что же говорить про августовские сумерки. «В теми ночной тати бродят», – говорит Авдеев. А всё-таки изобка, которую мы поставили с Петровичем, пусть и на некотором удалении от Ясень-озера, позволяет мне лучше укорениться в лесу. Можно даже и так сказать: моя жизнь в лесу, на берегу озера, ныне приобрела некоторые черты оседлости.

На Ясень-озере можно жить, не помышляя об устройстве даже бревенчатой берлоги (стана в три-четыре бревна), и уж, конечно, никогда мне в голову не приходило построить здесь избушку, только этого ещё тут не хватало. Но без шалашика здесь и сутки невозможно продержаться. Берега лесного озера – это вам не «остров сокровищ» и не райский «остров отчаяния».

Два о полуночи, а я ещё только постель готовлю, вретисцем застилаю свежую, не слежавшуюся хвою. Да надо хоть что-то записать в блокнот. Просто факты записать, пригодится. Эпизоды жизни на озере – кирпичики быта, из которых потом и складывается своего рода наука выживания в лесу. Есть мелочи, которые забываются, в то время как их следует всегда помнить. Например, жерличник, втыкая новую ловецкую жердь, должен убедиться, что рядом нет свежих бобровых ходов, что зверь не строит в прибрежной чащобе хатку. Понятно же – бобр распугивает щук; а кроме того, может скусить свежую жердь лиственной породы. Но почему – «может»? Случалось! Что-то опять я принялся морочить голову читателя рыбацкими подробностями...

Нодья медленно разгорается, и хорошо разгорается. Даже и тёплой светлой июльской ночью ложусь с огнём и дымом, в противном случае комары даже и минуту не дадут вздремнуть. Да и зябко, если на земле лежишь без огня, в наших северных лесах всегда сыро и зябко.

Древние наши предки-славяне, жившие по берегам озёр и рек, «огонь неугасающий з' дубового древия непрестанно паляху» (так свидетельствуют памятники древнерусской словесности). Вот и я тоже – «огонь неугасающий паляху», только не «з' дубового древия» складываю ночную нодью. Где взять? – в этих краях дубов во веки веков не бывало, даже и ясень не растёт на берегах Ясень-озера! Ночной костёр складываю из сосновой сушины; ну а днём – что под руку подвернётся.

ОСЕНИНЫ

И вот уже и осенины подкрались – с дождями и сиверами! Каждый день дождь, по три-четыре раза на дню дождь! Еще осины шумят зелёной листвой, а всё же – осенины, две угоды теперь лесовику: вода холодна да ночь длинна. Разувшись, вешаю на концы торчащих жердей кровли мокрую одежду и сапоги.

Согреваю ступни у огня, натягиваю запасные шерстяные носки, они обычно всё лето висят под кровлей шалаша, случается, и на зиму здесь остаются; словно бы отвердевшие, пропитанные дымом и копотью, они похожи на копчёных лещей. Согрел ступни у огня, натянул носки – и уже уходить не хочется, даже подумываю, не остаться ли ещё на одну ночь. Никогда не спешу возвращаться в

деревню, такое у меня обыкновение: скажу, пошёл на три дня, а живу на озере, сколько захочется. Или сколько позволяют условия хранения рыбы.

В блокноте отмечено (на жерди у костра провевается, а как же – если бумага воглая, то и слова не записать), что на озеро я пришёл 28 августа, а сегодня 2 сентября, начало осени. Шестой день в лесу, а еды взял с собой на три дня! Конечно, рыбные схроны забиты свежими щуками и солёной пластанкой, так ведь одной рыбой сыт не будешь. В запасе на этот час и день осталась горсть сухарей да сахарная крошка. Чай пью с сухариками, а пакет с крошкой положил в рюкзак – хлебный припас на обратную дорогу.

Продовольственные запасы у меня есть: и сухари упакованы в схроне, и две пачки соли, и килограмм рожков, и песок сахарный, и даже банка консервов. Часть этого изобилия, по причине продолжительного хранения, следовало бы израсходовать. Но не могу тратить время, в день возвращения дорога каждая минута. Не тяни резину, коль решил идти! На вскрытие же схрона и последующую упаковку продовольствия и маскировку его много времени теряется. Нет уж, как-нибудь обойдусь сахарной крошкой, в деревню же возвращаюсь. Ну и проповедь владыки Иоанна во время поста вспоминаю: «Дорогие мои! От хлеба и воды ещё никто не умер...»

«Возможно, ты и вчера хорошо трудился, наверное, в очередной раз живцов до полуночи менял в ущерб ночному отдыху, каков же улов?» – слышу тебя, читатель. А такой вот: изрядный «лапоть», окунь средней величины, и тонкая прогонистая травянка. Авдеев считает, что травянки никогда не вырастают, не становятся глубинными щуками. Гоняются за мальками, за мелочью травяной, прожигают свою жизнь на мелководье среди растительности, где летом не хватает кислорода, потом и сами оказываются в пасти более удачливых сородичей, навывающихся на мелкое побережье из глубины. Итак, только две жерлицы с уловом, шнуры остальных снастей даже не распущены. Что удивительно: окунь подцепился на крюк самоловки, на которую я в последнее время поглядывал очень даже неприязненно: шнур жерлицы в эти дни ни разу не был распущен. Хотел даже перенести жердь на другое место, да всё как-то времени не хватало. А вот и с уловом оказалась снасть...

Сегодня небо сплошь в тучах, никакого просвета, впрочем, закат вчера и не обещал хорошей погоды, тоску нагонял зловеще-багряными полосами. Удивительно ли, что при такой погоде хорошего клёва нет.

Что это?! По кровле шалаша дождь барабанит. Как водится: приходит время рюкзак собирать, тут и дождь зарядит. Редко когда возвращаюсь сухой тропой. А не сахарный, ещё не было случая, чтобы дождь повлиял на ход ноги. Не ливень же, не гроза.

ПРОЩАЛЬНЫЕ ДНИ ОСЕННИЕ. В ИЗОБКЕ ТРУЩОБНОЙ

Днём было пасмурно, а ночью вызвездило. Выходил из убежища, разглядывал небо, на котором ясно выделялись Большой квадрат и ковш Большой Медведицы. Звёзды отражались в спокойной тёмной воде безымянного озёрка у Солгоры. Было необычно тихо, даже листья осин не дрожали. Посмотрел на термометр, прикрепленный к срубам – ниже нуля.

Чудесно, что ещё есть такая земная роскошь – выйти ночью из лесного убежища на плотный мох заболоченного сосняка, разглядывать звёзды, вспоминать далёкую семиреченскую степь. Как будто такие же звёзды, только кругом степь, тьмой объятая, и по степи гроыхает наша телега, на этот раз запряжённая конём. Тепло укрытый кожухом, оморенный степным дыханием, насыщенным полынью и семиреченской солодкой, я засыпаю. А проснувшись, вижу скопища мерцающих звёзд. И тишина, особенная тишина, степная – то есть отовсюду доносятся печальные трели сверчков, иногда шумное фыркание коня слышно, выдувающего из травы кузнечиков и сверчков, щекочущих ему ноздри. Ни одного силуэта вокруг, только мрак и сонмища чудно мерцающих звёзд. И Большой квадрат, конечно. Я тогда только Большой квадрат и различал среди звёзд, очаровывающих, даже и тоску нагоняющих непонятным, душу ребёнка тревожащим холодным небесным мигающим свечением. Конечно, я не знал настоящего названия этого созвездия, даже, наверное, и слова такого не знал – «квадрат». Но твёрдо верил, что из светящегося небесного окошка на грешных людей строго взирают ангелы, о чём мне рассказывал отец, научивший видеть это созвездие. Ещё он мне показывал «Утиное гнездо» с золотыми яйцами (Плеяды, конечно, известное и под названием Волосожары), а также и степных разбойников-аргынов, всю ночь подкрадывающихся к двум иноходцам. Сюжет народной фантазии, объединившей Большую Медведицу и Малую в одно, хорошо известное уральским и семиреченским казакам «разбойничье» созвездие. Сколько бы я ни всматривался в звёздные скопления, никаких иноходцев и аргынов я не видел, моё детское восприятие не способно было к условным обозначениям на бумаге, на песке бархана или вот – в ночном небе. По этой причине и арифметика в школе долгое время не давалась. А вот яркие угловые звёзды «Небесного окна», так меня впечатлявшего, из которого на меня поглядывали ангелы, я различал хорошо; разумеется, ангелов (как и аргынов), я не видел тоже, – не каждому дано видеть ангелов, кто же этого не знает...

Вот ведь как: в детстве с братьями и родителями приходилось скитаться, и нынче, когда уже почти пенсионер, не ложится на лежанке деревенской избы... Уюта нет, покоя нет – власть природы!

Вернувшись в избобку, затеплил жировичок (фитильную коптилку на рыбьем жиру), открыл дверцу печурки. Любуюсь побежалостями малиново-красных углей. Пора бы уж на боковую, а вот жду, когда совсем исчезнут фиолетовые угарные язычки, чтобы потом выйти наружу и закрыть трубу, то есть нахлобучить на верх трубы прохуdivшуюся алюминиевую миску, к которой проволокой прикреплена жердь. Трубу надо обязательно закрывать, а то получится, как в прошлый раз: протопил печурку, камни были горячие, а трубу не закрыл. Всё тепло скоро вытянуло. Под утро изрядно продрог, пришлось даже разводить огонь, запихивать в топку не расколотый осиновый чурбак. Согрелся, конечно, но время потерял, не выспался. В лесу надо всё как следует делать, если не хочешь осложнений и всяких заморочек, и без того жизнь отчаянная...

А не засиделся ли в избобке?! Надо скоро иди на Ясень-озеро, быстро проверить и снять жерлицы да возвращаться домой, в деревню. Мог бы, конечно, и вчера вернуться, в родниковом омуте стоит ведро с пластанкой, но надо и свежей рыбы принести. Жена обещала пельменей налепить и котлет нажарить, если принесу подходящую для этого щуку. При этом напутствовала: «Не убивайся на рыбал-

ке – не гоняйся за большими щуками...» Но если не убиваться, то и пучеглазых костистых окуньков не наловишь на Ясень-озере. Сплошь вдоль берега стеной лес и теплые деревья, блесну некуда метать... И слава богу, что так – одни только топляки в заводях у берега, и нет никакой дороги сюда, только «тропа» – редкие тески на осинках да на берёзках.

Уха уже готова, томится на погасающих углях костерка возле шалаша, крытого еловой корой (рядом с изобкой), и я в эти короткие минуты праздности могу любоваться осенними красками бора, разноцветьем ягодных мхов, поросших криворослым сосняком. Последние в этом году деньки в лесу!

ПРОЩАЛЬНЫЕ ДНИ ОСЕННИЕ. ОБЛАКА, НЕБЕСНЫЙ БОЙ

Утром был густой туман – даже Большой остров не просматривался, туман не клубился, не плавал клочьями над водой, озеро не парило, не свивались по заводям жгуты выше деревьев, как это бывает, – просто был как молоко. Лишь по мере того как поднималось солнце, чуть розовел, наконец из молочно-розовой мглы стали выступать желтовато-зелёные вершины островных сосен.

А сейчас по небу низко ползут облака, похожие на прозрачные клубы дыма. Леса по склонам речной Оштинской долины тёмно-зелёные, осинники и березняки не вызолотились, даже не тронуты желтизной. Только кое-где лиственные рощи порыжели. А здесь, на берегах Ясень-озера, среди островерхих тёмных елей яснеют осины – местами оранжево-золотистые, а то и с багрянцем. Тут и там проглядывают красноватые узоры рябиновой листвы. (Однако же нынче без ягоды рябина!) Только ели как-то по-зимнему черны. А вот летом прибрежные леса не столь живописны, не могут быть живописны однообразно тёмно-зелёные уступы леса.

На стеблях пожелтевшей осоки у берега капли сверкают, слепят, фокусируя лучи солнца. Да известно ли тебе, читатель, что капли росы – не что иное, как слёзы богини Лады? Согласимся с тем, что мироощущение человека Руси изначальной, Руси юной, было наполнено чистой поэзией, искренним, детским чувством.

Прояснилось, это так, но по-прежнему прохладно, сивер тянет. На просеке много сырой опавшей листвы – и жёлтая, и зелёная, но больше бурой. Над преющей листвой клубится мошка, даже комары летают. Но теперь они безвредны. Порывы ветра, конечно, срывают листву, но в воздухе мелькают лишь отдельные листья.

А по небу всюду, как и прежде, облака, уже совсем не прозрачные, – сплошь массивного вида тучи клубятся, громоздятся, пронзаемые, живописно освещаемые солнечными лучами. Кладу весло перед собой, любуюсь этими движущимися, громоздящимися облаками – простор для фантазии, рериховский небесный бой (имеется в виду полотно Н. К. Рериха (1874–1947) «Небесный бой»). Мне по душе такие тучи-облака, поскольку всегда помню, что меняется освещение не только на берегу озера, но также и в глубинах озёрных, вызывающее бодрость и подвижность у его обитателей. Для такого закоренелого жерличника, как я, важнее всего это переменное освещение в глубине, которое выводит из дремотного оцепенения даже сытую щуку, и она начинает интересоваться рыбёшкой, снующей перед её

зоркими глазами. Понятно же – так мужик сам себе думает, а что там на самом деле?... Ясень-озеро – не Уолден в штате Массачусетс, на берегу которого два года и два месяца счастливо и беззаботно жил Генри Торо, пытливый созерцатель природы. Он мог, свесив голову с борта лодки, часами смотреть в прозрачную воду, наблюдать за рыбёшками на глубине в девять-десять метров. Судя по описаниям Торо, вода в озере была изумительной чистоты. «В короне Конкорда – алмаз чистой воды», – сообщает нам Торо. Значит, что-то вроде маленького Байкала. О моём озере такого не скажешь. Но по мне – нет ничего лучше Ясень-озера. Только бы вездеходные джипы не проторили сюда дорогу.

Может, где-то уже бабье лето кончается, а на берегах Ясень-озера оно вроде как ещё и не начиналось... Хотя по календарю – сентябрь, начало бабьего лета, Семёнов день три дня назад был.

Со вчерашнего дня не доставал блокнот. (И как это Пришвину удавалось что-то записывать в лесу? Или он вовсе ничего не записывал, полагаясь на память?) У меня же время сгорает в рыбацких хлопотах, в бытовщине. Чего стоит только заготовка топлива, иногда воз дров расходуется за сутки, и днём костёр постоянно тлеет, если, конечно, нет ураганного ветра. О ночной нодье в описаниях краеведов и путешественников (а также и в моих очерках) сказано много, а вот и дневной костёр тоже надо уметь устраивать не абы как. И, прежде всего, конечно, думаешь о том, чтобы пожар не устроить. По всей России нынче леса горят, даже и потомки вепсов уже не могут толком безопасно обустроить огнище (костровое место), что же говорить про мигрантов-лесорубов...

Нынче я для устройства дневного костра использую надломленную ветром и рухнувшую рядом с шалашом осину, а также остатки авдеевского плота; ещё в прошлом году разрубил его и брёвнами выволок на берег. Меня этот плот выручает, ещё как выручает. Между прочим, берег южной заводи состоит из плотов, которые за все минувшие столетия сколачивали редкие посетители озера. Сколько бы плот, потерявший потребную человеку плавучесть и потому оставленный за ненадобностью, ни странствовал по озеру, гонимый ветрами, он в конце концов окажется в южной заводи, где и закорится, прикрепится к берегу корнями ивняка и травяной растительности. Эти прибудные плоты замшились, местами поросли рахитичными берёзками, кривобокими ёлочками, и уже беглым взглядом не отличить матёрый берег от древесного. Нигде, кроме как в южной заводи, плоты не образуют древесную твердь, покрытую мхом, поросшую болотными растениями. Хотя вообще-то беспризорные плоты попадают на глаза в любой части Ясень-озера, за исключением, разумеется, тех мест, где каменистый грунт не позволяет прикрепиться корнями растений.

Однако же стволы преловатых валежин и остатки плотов горят и жарко тлеют только в том случае, если в костёр подкладывать сухие жерди – еловые, а ещё лучше – сосновые. Жердовья много в моём распоряжении, в любом небранном бору есть жердовья. Да чего только нет в бору, здесь всякое довольствие человеку – и сушины прямостоячие для костра (или для плота), и деловая (товарная) древесина, и жердовья, конечно, всегда необходимое в рыбацком хозяйстве. Ну и – грибы-ягоды. Словом, всё, что нужно и человеку, и всякому живому существу; не забудем также: боры – места обитания краснокнижной (боровой!) птицы, разнообразных охраняемых животных. Чудо природы – хвойные боры превращаем в целлюлозу, в бумажную массу, в газеты, наполненные ложью, злобой к русскому

человеку, пропагандирующие невежество, мракобесие, обскурантизм, в изданиях, рекламирующие всякого рода лекарей-шарлатанов, сомнительные или даже вредные для здоровья человека «лекарства». Значительная часть этой макулатуры затем выбрасывается в окружающую среду, засоряет планету. «Тошно читать всё это, что-то было подобное, повторяется автор!» – взвывает мне в ответ эстетствующий либерал. Да! Было, говорил, и ещё скажу! Потому что невозможно молчать – в России исчезают последние первобытные боры!

И тут я позволю себе напомнить, что ещё в XIX веке Сергей Тимофеевич Аксаков, писатель с нежной русской душой, предупреждал: «Мы богаты лесом, но богатство вводит нас в мотовство, а с ним недалеко до бедности; срубить дерево без всякой причины у нас ничего не значит...».

Уже шесть вечера, а сижу у шалаша возле перевёрнутой «душегубки». Хотел сразу же после ухи отправиться в озеро, но случилась неприятность – опять наскокил на топляк, пропорол днище. Проколы обнаружили когда я среди коряг и топляков сражался с глубинной щукой, пытаюсь втащить её в лодку. Вода точила, как в роднике вокруг рыбного схрона, то и дело вычерпывал воду консервной банкой. Не знаю, получится ли сегодня наловить живцов – починка лодки не простое дело, и дни укоротились, и ночи тёмные, в семь – сумерки в бору. А надо, надо к ночи развесить по заводям жерлицы-самоловки. Вот говорят: «самоловки»... Э-э-э! Сколько хлопот с этими самоловками, прежде чем подцепишь глубинную щуку. Да что там: просто приличную щуку попробуй выудить! И труд каторжный – вот уж где действительно – галеры! – иногда по шесть часов кряду мотаешься по озеру из конца в конец, поскольку жерлицы широко расставлены по заводям Ясень-озера.

ПРОЩАЛЬНЫЕ ДНИ ОСЕННИЕ. РАВНОДЕНСТВИЕ

...Проснулся с ощущением, что хорошо выспался. Во всяком случае легко встал, скинув одежду, с удовольствием умываюсь возле причальной «крокодилины». Не всегда после сна хочется удалиться от костра. Особенно если утро хмурое и солнце не показывается, как вот сейчас. В бору какой-то особенный жёлтый сумрак.

Вчера вечером вернулся без улова, но доволен, успел всюду заменить живцов. Увлёкся ужением и не заметил, как ночь наступила, удилищем махал, пока ещё различался на воде поплавок. Плотвы и окуней никогда не бывает много, о запасе вяленой и сушёной рыбы надо думать. У зимы зубы длинные, всё подберёт... На работу даже и в котельную не берут, поскольку скоро на пенсию. Хотя и пятый разряд машиниста котельной (а высший – шестой), и стаж приличный. Зачем брать человека с советским прошлым, с неудобными для нашего времени представлениями о справедливости, когда город наполнен молодыми мигрантами, притом же отлично сплочёнными, хорошо организованными – и в драках, и в криминале, готовых, однако, безропотно выполнять все трудовые условия босса. И трудовая книжка подпорчена, записано: «Специальность – журналист», указано, что работал редактором изданий, даже благодарность записана в трудовую – «За организацию работы редакции “Возрождение России”...». Нет, умники с такими трудовыми документами работодателю нынче не нужны, мигранты предпочтительнее. Приходится совершенствовать приёмы выживания, строить шалаша и даже изобки; да, будет пенсия, но – какая? Впрочем, кто знает? – может, кому и

пригодится мой опыт. Куда ни повернись – американские базы! Даже в Манасе! Да вот ещё Украина, Новороссия... Мог ли такое представить мой отец, поражавший броневой пулей немецкие танки под Сталинградом: Манас – это ведь наше родное Семиречье! Уже появились в Интернете видео с ясно выраженными идеями Сопrotивления, защиты Отечества. Один такой видеоматериал, хотя и без слов, впечатляет музыкой и видеорядом. И название подходящее – «Шумит сурово Русский лес»...

В минувшую ночь костёр получился жаркий, приходилось вставать, снимать свитер. По укоренившейся лесной привычке ложусь тепло одетый. Это на случай, если чурбаки будут коптеть, долго разгораться или вовсе погаснут, такое тоже случается. Лучше снять куртку или свитер, если станет жарко, чем околевать от холода, когда костёр чуть тлеет, и нет никаких сил, чтобы поправить чурбаки. Топлива же у меня в запасе достаточно – и толстые чурбаки, и смолевые кругляши. Есть избыток, но не хочется тратить время на переход: туда и обратно около двух часов по трущобистому лесу. А дни короткие! Но и под открытым небом выпался, хотя спал часов пять, не больше.

Прилетала сова, истошно кричала, как-то по-кошачьи, весь бор переполошила. Дружок (авдеевский кабысдох) только недоумённо вертел головой. В Оште мне рассказывали, что припозднившиеся в лесу суеверные жители деревень Шимозерья (нынче исчезнувших), услышав голос совы, осеняли себя крестным знаменем и спешили в деревню, полагая, что это над ними леший издевается. Да ещё бы не спешить! С криком совы в лесу наступает такой мрак, что и бывалому лесовику становится не по себе.

...Жилой бор пронизан лимонно-жёлтыми лучами осеннего утреннего солнца, тут и там, словно камни, чернеют чадящие головни. На этих остатках ночного костра и приготовил завтрак: вскипятил чай, испёк в толстом слое горячей золы последние три картофелины... Вот так и встретил 22 сентября, очередной день осеннего равноденствия, праздник скитальцев и странствующих.

Равноденствие, но дни и ночи, можно сказать, тёплые, совсем не то было летом, ночи в наших краях и в июле бывают очень даже прохладными. На Ясень-озере редко на ночь оставался, всё больше в избытке ночевал.

А по небу сплошь тучи, солнце лишь на минуту показывается, и всё реже открывается, день помрачается совершенно. А лучше, чтобы и тучи клубились, были в движении, и чтобы солнышко проглядывало.

Не спеша гребу в дальний, западный конец озера, внимательно осматривая жерлицы, подвешенные на ловецкие колья или к ветвям наклонённых к воде берёз. Дни вроде бы тёплые, а вода студёная, металлическое весло руки так холодит, что уже пальцы онемели, жалею, что не прихватил с собой костровые рукавицы, – даже и в мокрых рукавицах пальцы не так зябнут.

Догоняю упруго выгнутое пёрышко на воде – словно парус ялика, напряженный осенним ветром, а на уме уже думка о том, как свёртывать стан до следующей весны. В этом году не приду на озеро. Довольно скитаться, всех шук не выудишь.

...Вернувшись уже в сумерках к шалашу, к поистине священному огню (к едва тлеющим чурбакам – остаткам плота) подкладываю сосновые жерди. Ради лучшего освещения жилого пространства добавляю в огонь и толстые куски бе-

рёзовой коры, что позволяет мне обрабатывать рыбу – чистить, пластать и солить давешних щук. А свежих, сегодня пойманных щук, укладываю в родник. Ну, не в воду, конечно, укладываю, не дай бог, вода вредна потрошёной рыбе. Весь улов, который я намерен принести в деревню в свежем виде, храню внутри замшелого трухлявого пня, со временем превратившегося в огромную моховую кочку, а по канавкам вокруг неё журчит родниковая водичка.

Так и встречаю праздник осенней природы – в прощании с Ясень-озером. Да прощаюсь, друзья, поскольку все мы, как говорится, под богом ходим, неизвестно, вернусь ли сюда в мае следующего года...

И как всё изменилось за минувшие дни! Тут и там берега украшают прибрежные осины в ало-багряном наряде, сверкает ржавчато-золотым берёзы. Но не всё вокруг осенним огнём горит, некоторые осины ещё шумят зелёными ветвями. Вчера на воде было много палой листвы, а сегодня вода чистая, ветром сдуло к берегу листья, и они мало-помалу оседает на дно. Что же касается ясеней, то здесь они никогда не росли. Знатоки русской природы утверждают, что севернее Петербурга-Ленинграда встретить это дерево невозможно. Только осины светлым-светло яснеют, листвой блистают среди тёмно-зелёных, почти чёрных елей и рудых сосен. Название своё озеро, вероятно, получило вследствие созвучия и сродства слов: осень (есень) – осина – ясень – ясно. В погожие дни бабьего лета в прибрежных осинниках, перемежающихся берёзами, всегда ясно, звучно, ярко. Истинный ясень! – мог воскликнуть человек, впервые оказавшийся здесь золотой осенью. (В деревне Курвошский Погост я не однажды слышал от Веры Степановны, хранительницы русской народной речи: «Весной ветер дует из темени, осенью дует из ясени».) На Руси, – вообще в славянском мире, – ясень, наряду с дубом, считался священным деревом. Впрочем, и осину тоже славянские народы в древние века наделяли разными мифическими свойствами. Поэтическое народное предание, занесённое в литературные памятники, доносит до нас и такой факт: Добрыня, дядя киевского князя Владимира, повесил убитого змея на осину, приговаривая: «Сушися ты, змей Гориничише, на той осине кляпяя (скособоченной)».

ФИНАЛ

Усталость страшная, изнурение предельное. Сидел на чурбаке у костра и выронил котелок. Да хорошо – не с едой, с ополосками котелок, как раз собирался мыть его перед возвращением в деревню. Удивительно ли: дни и ночи у костра, под открытым небом, и за всё время только один раз варил уху. Целый день «лопатишь» по заводям озера, а вечером таскаешь стволы сушин, распиливаешь их, подтёсываешь, подготавливая чурбаки для костра. Так устал, что вчера не мог грести в полную силу. Раздражительность появилась: то очки не могу найти, то коробка с крюками куда-то запропастилась. Ладно – свидетелей этому нет.

Дождь не перестаёт, холодный дождь, сивер нижет, впрочем, обычная об эту пору осеннего равноденствия погода. Вот сивер, а под кровлей шалаша тепло, сухо, рай лесной, хорошее настроение вернулось. Смогу ли я в будущем году вот так, как теперь, ночевать под открытым небом, плавать по заводям, челноком мотаясь от одной жерличной жерди к другой, поймаю ли глубинную щуку-утятницу,

смогу ли жить, как сейчас, – встречая рассвет на Ясень-озере, любуясь вечерней зарёй из окна избки у Солгоры...

Встречу ли давешнюю медведицу на тропе, на переходе с Солгоры на Ясень-озеро, увижу ли пару лебедей, летящих так низко надо мной, что, казалось, могу веслом до них дотянуться... И сядет ли журавль на крышу моей деревенской избы, как это случилось ясным майским днём. Представляете – журавль! (Хозяин избы в это время находился возле бани, орудовал конопаткой – запихивал в щели между брёвнами мох.) Долго сидел на коньке, перебирая клювом перья, пока его не позвала сделавшая круг над избой журавлиха. Наконец, исполнятся ли мои литературные планы и мечты? В последние два-три года всё чаще сажусь за стол с бумагой разве для того, чтобы написать статью и отправить её в патриотическую газету или на сайт «Русского Лада», сочинить слёзное письмо губернатору области с просьбой сберечь Большой Талый ручей, не рубить лес у истоков его, пощадить лесные массивы в местах водосбора рек Ошты и Ронги. Что такое нынешнее «лесопокрытое пространство», – спрашиваю самодовольного либерал-интеллекта, наслаждающегося всевозможными рыночными свободами, – в котором нет места глухарю, медведю, вальдшнепу? Это оргán, из которого вынули механизм, воспроизводящий музыкальные звуки... Наверное, я слишком близко принимаю к сердцу высечку лесов, оттого и наполнены яростью некоторые страницы повести. И, похоже, напрасные хлопоты – эти письма прокурорам, губернаторам, премьерам и президентам. Ибо теперь не только Москва слезам и просьбам не верит, но и самый заурядный чиновник из губернаторской рати презирует тебя – писаку, нищebroда. Время такое: вместо правды – кулак и деньги.

Усталость томит, а в душе умиротворение. Лохматая туча наползёт на озеро, дождь сыпанёт как дробью по заводи, а то вдруг солнце выглянет, озарит всё вокруг, и прибрежные хвойные боры и лиственные рощи, продуваемые порывами ветра, сверкают, блистают мокрой хвоей и по-осеннему пёстрой листвой. Я и радуюсь такой перемене, в такие минуты я вообще чувствую прилив сил, какую-то физическую бодрость, воодушевленность. И тут ещё вдруг внезапное чудо – белоснежные лебеди, мощно гребущие крыльями; они проплывают так низко, что я ощущаю движение воздуха и хорошо вижу и клювы морковного цвета, и сверкающие бусинки глаз.

Конечно, и семиреченскую степь вспомнишь в короткие часы лесного досуга, как же без этого, а то и вовсе немыслимое: прерии Монтаны, по которым странствуют тысячные стада бизонов, преследуемые охотниками из племени кри или кроу. Представляю то, что никогда не видел и не могу увидеть, но что, благодаря достижениям цивилизации, крепко отложилось в памяти, будто всё это вижу своими глазами: стадо бизонов, начинающих свой круговой разбег, обнажённых охотников на лошадях с луками, с длинноствольными ружьями, выцеливающих жирных коров. Наверное, картины из повестей и очерков американских писателей минувших веков наложились на рассказы моих старших братьев, верхом на лошадях охотившихся на диких кабанов в низовьях реки Чу, – ещё в те времена, когда чуйские протоки и озёра на закате солнца наполнялись плеском сазанов и язей, а поёмные степи в полдень расслабляли путника терпкими запахами солодки и камфорной полыни, и когда в камышовых крепях, в непролазных тугайных чащобах укрывались гурты кабанов.

Цивилизация – великое достижение в развитии человека и общества. Несомненное благо. Могут ли отрицать русскую литературу – ярчайшее проявление духовности и гуманизма на планете? Но есть и очевидные минусы цивилизационных процессов. Что, например, внедрили в общины тех же кри, кроу, сиу «братья по разуму», «цивилизаторы» из Европы? Разрушение общин, ложь, обман, равнодушие к соплеменникам, заразные болезни, эпидемии, пьянство, и всё это под лицемерно-ханжеские проповеднические завывания иудео-протестантских миссионеров о любви к ближнему. И самое главное – у индейцев отняли леса, прерии, реки, ручьи, озёра. Без надобности истребили зверей и птиц – бизонов, странствующего голубя, бобров... Наконец, отняли их родную речь, общинные обычаи и законы. Нечто подобное вот уже более двадцати лет происходит в России, в бывших республиках СССР, и тоже как раз при усердном воздействии стран цивилизованного мира. Уничтожение заводов и колхозов с особыми, пусть не вполне рыночными (однако же – человеческими) трудовыми отношениями, разрушение семьи с традиционными, национальными основаниями. Уродуют родную речь, русскую литературу. Средства массовой информации внедряют совершенно чудовищный лексикон. Газетные полосы кишат чёрными филологическими червями: хай-тек-шопинг-фридайвинг-краудфандинг... Ужасной эпидемии подобна страсть к чужесловию и чужеречию. Хотя русский язык богат, любому современному понятию найдётся соответствующее слово в русском языке. Нет, краудфандинг краше... И уже иные учёные мужи бубнят (пока, правда, тихонечко) о необходимости перевода русского языка на латиницу, поскольку кириллица, де не отвечает современным потребностям международного сообщества, а главное – евростандарта, потребительского рынка... Но это там – в Москве и Питере, в больших городах; но и то, что я вижу здесь, на Вытегорщине, и по соседству, в Ленинградской области, – лишает сна и спокойствия. И не одни только воровские вырубки тому причина. Например, в селе Оште местный предприниматель (ну, не сам хозяин, а сторож) не разрешает и близко подойти вепсу или русскому мужику с ведром к источнику с кипящими ключами. Я говорил по этому поводу с главой Вытегорской (районной) администрации, и тот мне ответил: «Инвестор вложился, затратился на обустройство источника, здание построил, осветляет, а потом и подкрашивает воду, теперь родник его собственность...» К сожалению, и местные жители смирились с очевидным безобразием: «А ништо, пока есть где воду брать, колонка рядом. Ржавчинка, ил в трубах, ещё при советской власти колхозники закопали трубы, а ништо, пить можно, всяко лучше вода, чем в речке, куда водили «Онегалеспрома» сливают отработ...».

Ранее было сказано, что в прошлом я работал корреспондентом, был составителем литературного сборника в издательстве «Лениздат». Но провидению угодно, чтобы я укоренился в деревне, торил и чистил лесные тропы. («Шатун, совок, нищоброд, а что-то о себе мнит», – читаю в глазах чиновника, едва не проговаривающего вслух эти слова, когда веду с ним душевный разговор о судьбе Урозерского глухариного бора, о верховых болотах и талых ручьях.)

Природа во всех её проявлениях: и с яркими звучными красками осеней на берегах Ясень-озера, и с промозглыми здвиженскими ряндами – вот моя юдоль, моё прибежище. Конечно, и родное русское слово ещё, как же без него. Странствуя лесными тропами, обирая кузовком ягодные кочки, плавая по Ясень-озеру на «душегубке», я стремился обрести гармонию с природой.

Собираю рюкзак, последняя в этом году ноша. Два-три дня, и я снова стану цивилизованным вавилонянином, временным жителем громадного мегаполиса.

Ведро с пластанкой упаковал, обложил его запасной одеждой, чтобы оно не завалилось набок. При условии, если сам я не завалюсь на тропе, а такое случалось. Год назад со всего маха грянул о землю, да не на твёрдое упал, к счастью, лицом в грязь ударил, даже очки отпечатались на влажном мягком грунте. А то была бы физия, как у итальянского премьера Берлускони после встречи с народом.. Всякое случается на тропе, когда за плечами дикая ноша.

Дело за свежей рыбой, но прежде чем отправиться к схрону среди родников и канавок, чтобы там уложить щук и окуней в кошель с папоротником и мхом, присаживаюсь на чурбак с кружкой чая. В пути редко грею чай, ручьевой водой умеренно утоляю жажду. А больше ягодой утоляюсь – черникой, брусникой, клюквой, что попадет на тропе. Или кисть рябины сорву, на ходу жую, и с большим удовольствием, между прочим.

Наконец, снимаю с кровли плёнку, аккуратно укладываю её под ель, присыпаю сверху хвоей, листвой, ещё и сучьев набросал.

Увижу ли тебя, Ясень-озеро, в мае следующего года? И как жить, если врачи (или Авдеев с Петровичем) скажут, что нет мне дороги на лесные пажити запо-ведные?

